

Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости¹

С. В. Митрофанов, Р. Г. Янбых, Н. В. Орлова

*Сергей Владимирович Митрофанов, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия.
E-mail: smitrofanov@hse.ru*

Рената Геннадьевна Янбых, доктор экономических наук, заведующая отделом аграрной политики Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Надежда Владимировна Орлова, директор Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: nvorlova@hse.ru

EDN: RSCOT5

Аннотация. Традиционные подходы к оценке продовольственной безопасности, опирающиеся на агрегированные показатели производства и калорийности, нередко маскируют структурные дисбалансы рациона и экономическую уязвимость домохозяйств. Цель исследования — выявить скрытые формы продовольственной уязвимости и на основе анализа структуры потребления и экономического контекста предложить типологию стран СНГ. Решались задачи: (1) проанализировать межстрановые различия в потреблении основных продуктов питания; (2) оценить экономические факторы доступа к рациональному питанию (доходы, доля расходов на питание, покупательная способность, бедность, неравенство); (3) провести типологизацию стран. Эмпирическая база — данные Межгосударственного статистического комитета СНГ за 2010–2022 годы по девяти странам. Методология включает статистический и сравнительно-географический анализ, а также кросс-табуляционный анализ, в котором пересекаются показатели разнообразия рациона, доли расходов на питание, коэффициента фондов и отклонений в потреблении микронутриентно-плотных продуктов. Установлено, что формальная калорийная достаточность не гарантирует сбалансированности рациона: в ряде государств высокая энергетическая ценность питания достигается за счет хлеба и картофеля при значительном недопотреблении мяса, молока и овощей. Выделены четыре типа скрытой уязвимости — от устойчивого моноструктурного рациона с критически высокой долей расходов на питание до «структурной инерции», при которой избыточное потребление

1. Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ: «Качество жизни на сельских территориях: эволюция, оценка, перспективы».

ние мяса сочетается с дефицитом овощей. Показано, что около 36,8% населения региона (примерно 84 млн человек) проживают в странах с высокой долей расходов на питание ($> 40\%$) и низким разнообразием рациона, формируя «зону критической уязвимости», где даже умеренные экономические шоки способны привести к углублению микронутриентной недостаточности. Отмечена роль яиц как экономически доступного источника полноценного животного белка в странах с низким потреблением мяса и молока. Концепция скрытой продовольственной уязвимости и построенная типология создают эмпирическую основу для мониторинга социальных последствий экономических реформ и координации мер политики в рамках ЕАЭС и СНГ.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, структура потребления, экономическая доступность, скрытая уязвимость, рациональное питание, социальная дифференциация, неравенство, СНГ

Традиционная оценка качества жизни долгое время базировалась на агрегированных экономических показателях — доходах, потреблении, ВВП на душу населения (Самуэльсон, Нордхаус, 2010). Однако в последние десятилетия утвердился многомерный подход, учитывающий не только материальные ресурсы, но и здоровье, образование, социальную безопасность и доступ к качественному питанию (UNDP; ЦУР ООН; FAO, WHO). А. Сен (2004) предложил оценивать благополучие через реальные возможности (capabilities), что легло в основу Индекса человеческого развития (Haq, 1995) и Индекса многомерной бедности (Alkire, Foster, 2007).

В странах СНГ традиционные подходы к продовольственной безопасности, ориентированные на валовое производство и калорийность, не отражают реальной доступности сбалансированного питания. Как отмечает ФАО (2023), национальный избыток продовольствия не гарантирует доступа для всех слоев населения: домохозяйства с низкими доходами вынуждены ограничиваться монодиетой из дешевых калорийных продуктов (хлеб, картофель, крупы), испытывая дефицит белка, витаминов и микроэлементов. Это явление, известное как «скрытый голод» (hidden hunger) или продовольственная уязвимость, снижает качество жизни, здоровье и воспроизводственный потенциал.

Современные исследования подтверждают устойчивый социальный градиент питания: качество и разнообразие рациона систематически ухудшаются с понижением социально-экономического статуса (Turrell, Vandevijvere, 2015; Mayén et al., 2017). Продовольственная небезопасность снижает показатели качества жизни даже после контроля доходов и здоровья (Hanmer et al., 2021; Park et al., 2023, 2024). Для стран СНГ эти риски усугубляются резким увеличением неравенства в доступе к питанию после распада СССР (Lunze et al., 2015).

В российской научной традиции исследования качества жизни развивались преимущественно в рамках социально-экономической географии (Черныш, 2021; Кабашова, 2024), демографии

(Касимова, 2024; Гузев, 2024; Лаврикова, Яблочкин, 2024; Митрофанов и др., 2025) и региональной экономики (Зубаревич, 2010, 2024; Zubarevich, Safronov, 2024; Вартанова, 2021; Кочкина и др., 2024; Кислая, 2024; Арзамасцева и др., 2020). Преобладающий фокус делался на территориальной дифференциации благосостояния, анализе факторов регионального развития и оценке социальной инфраструктуры. Продовольственный аспект, как правило, не выделяется в самостоятельное измерение, а методология многомерной бедности (Губарев и др., 2024) фокусируется на экстремальных дефицитах, оставляя в стороне «серую зону» — ситуацию формальной обеспеченности базовыми продуктами при дефиците сбалансированного рациона из-за неравенства доходов и высокой доли расходов на питание.

Цель исследования — выявить скрытые формы продовольственной уязвимости и предложить типологию стран СНГ на основе анализа структуры потребления и экономического контекста доступа к рациональному питанию. Задачи: анализ межстрановых различий в потреблении основных продуктов питания; оценка экономических факторов (доходы, доля расходов на питание, покупательная способность, бедность, неравенство); типологизация стран по уровню скрытой уязвимости.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Методология исследования

Эмпирическую основу работы составили официальные данные Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств (МСК СНГ) за 2010–2022 гг. по девяти странам: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Азербайджан, Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. Анализировались следующие показатели:

- среднедушевое потребление шести групп продуктов (хлебные изделия в пересчете на муку с крупами и бобовыми, картофель, овощи и бахчевые, мясо и мясoproductы в пересчете на мясо, молоко и молочные продукты в пересчете на молоко, яйца) — в кг, л или шт. на человека в месяц;
- доля расходов на продукты питания в общих потребительских расходах домохозяйств, %;
- распределение общего фонда денежных доходов по 20-процентным квинтильным группам; коэффициент фондов;
- структура источников денежных доходов (оплата труда, предпринимательство, сельское хозяйство, пенсии, прочие поступления), %;
- уровень бедности (доля населения с доходами ниже черты бедности).

Исследование опирается на сочетание описательного статистического анализа, сравнительно-географического метода и экспер-

ной группировки на основе кросс-табуляции четырех индикаторов: (1) разнообразие рациона (адаптированный индекс HDDS), (2) доля расходов на питание, (3) коэффициент фондов, (4) отклонение потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных норм. Пересечение этих измерений позволило выделить качественно различные типы скрытой продовольственной уязвимости без формальной кластеризации.

Методологические ограничения. Из-за изменений в методологии обследований (Россия — переход на показатель «на потребителя» с 2016 года, Беларусь — деноминация 2016 года, Молдова — реформа выборки с 2019 года) временные сопоставления для этих стран ограничены. Данные агрегированы по странам, без разбивки по доходам, что маскирует внутривнутристрановую поляризацию. Официальная статистика может недоучитывать потребление из личных подсобных хозяйств (ЛПХ), что занижает фактический уровень потребления. Анализ ограничен шестью группами продуктов и не охватывает фрукты, рыбу, масла, что сужает полноту оценки, однако использованные категории являются ключевыми для диагностики основных структурных дисбалансов рациона.

Для оценки отклонений фактического потребления от рекомендованного уровня использованы «Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания», утвержденные Приказом Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614. Из документа отобраны группы продуктов, соответствующие статистике МСК СНГ (табл. 1). Годовые нормы (далее — «норма») пересчитаны в среднемесячные для прямого сопоставления. Применение единого ориентира для всех стран — сознательное методологическое решение, обусловленное отсутствием международных продуктовых норм, общей постсоветской традицией нормирования и необходимостью обеспечить сопоставимость. Нормы используются не как универсальный эталон, а как шкала для выявления системных межстрановых диспропорций. Отклонения интерпретируются не как строгая оценка полноценности питания, а как аналитический сигнал о структурных дисбалансах, требующих дальнейшего анализа с учетом страновой специфики.

Таблица 1. Рациональные нормы потребления пищевых продуктов, используемые в качестве ориентира

Группа продуктов	Норма, кг/год/чел.	Норма, кг/мес.*
Хлебные изделия (в пересчете в муку)	96	8,0
Картофель	90	7,5
Овощи и бахчевые	140	11,7

Мясо и мясопродукты (в пересчете в мясо)	76	6,3
Молоко и молочные продукты (в пересчете в молоко 3,2% жирности)	340	28,3
Яйца	270	≈22,5 шт./мес.

* Округленные значения.

Источник: Приказ Минздрава России от 19.08.2016 № 614.

Структура потребления основных продуктов питания в странах СНГ

Потребление хлебных изделий демонстрирует устойчивую региональную дифференциацию на протяжении всего периода наблюдения 2010–2022 годов (рис. 1).

В странах Центральной Азии зафиксированы наиболее высокие значения: Таджикистан (13,2 кг/мес. в 2022 г.), Узбекистан (12,9 кг/мес.), Кыргызстан (9,9 кг/мес.).

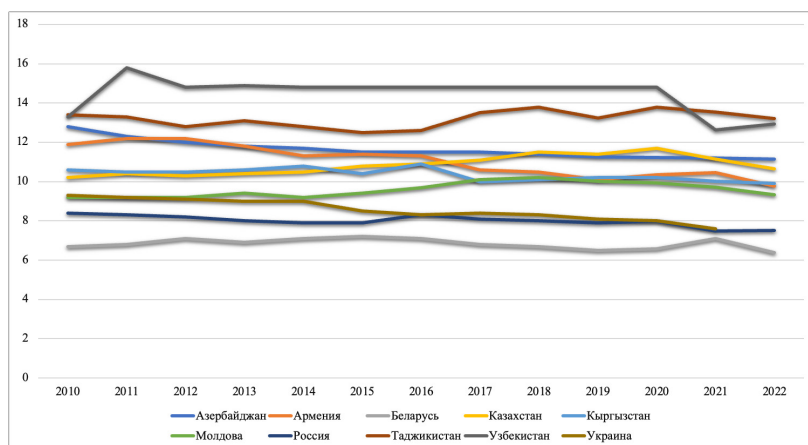

Рис. 1 Динамика потребления хлебных изделий в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)

Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В странах Восточной Европы наблюдается нисходящий тренд: Россия — снижение с 8,4 кг/мес. (2010) до 7,5 кг/мес. (2022) (–10,7%); Беларусь — с 6,7 до 6,4 кг/мес. (–4,5%). Страны Кавказа сохраняют потребление на уровне 9,8–11,1 кг/мес. (Армения, Азербайджан).

С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Отклонения от нормы (8,0 кг/мес., согласно Приказу Минздрава России № 614) в 2022 году составили:

- потребление ниже нормы: Беларусь (–20,0%), Россия (–5,9%);
- потребление близкое к норме: Молдова (+16,8%);
- потребление выше нормы: Армения (+22,0%), Кыргызстан (+23,8%), Казахстан (+33,3%), Азербайджан (+39,3%), Узбекистан (+61,1%), Таджикистан (+65,0%).

Снижение потребления хлебных изделий в странах Восточной Европы может отражать постепенную трансформацию пищевых привычек, связанную с диверсификацией источников углеводов, что согласуется с общемировыми тенденциями. В странах Центральной Азии сохраняется традиционная структура питания с высокой долей хлебобулочных изделий, обусловленная исторически сложившимися кулинарными практиками и аграрной специализацией региона.

В Таджикистане и Узбекистане высокие показатели потребления по данной группе частично связаны с методологией агрегирования: в нее включены не только хлеб и макаронные изделия (в пересчете в муку), но и крупы с бобовыми. Это ограничивает возможности оценки реального разнообразия углеводных источников, поскольку значительная часть потребления приходится на рис и пшено — традиционные культуры Центральной Азии.

Казахстан демонстрирует рост потребления с 10,2 кг/мес. (2010) до пика 11,5 кг/мес. (2018), с последующей стабилизацией на уровне 10,7 кг/мес. (2022), что может быть связано с переходом от элементов традиционного кочевого питания к оседлому типу с сохранением высокой доли зерновых в рационе. В Азербайджане наблюдается постепенное снижение с 12,8 кг/мес. (2010) до 11,1 кг/мес. (2022), что может объясняться урбанизацией и изменением пищевых предпочтений населения.

Динамика потребления хлебных изделий в странах СНГ отражает не только социально-экономические трансформации (урбанизация, рост доходов), но и сохранение культурно обусловленных пищевых практик. Более низкие значения в Восточной Европе согласуются с тенденцией к диверсификации рациона, тогда как устойчиво высокие показатели в Центральной Азии указывают на необходимость дополнительного анализа структуры потребления внутри агрегированной группы для оценки реального разнообразия питания.

Потребление картофеля демонстрирует преимущественно нисходящий тренд в большинстве стран СНГ, что может отражать постепенное изменение структуры рациона в сторону диверсификации источников углеводов (рис. 2). В то же время в Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане зафиксирован рост потребления, хотя его уровень остается далеким от показателей, характерных для стран Восточной Европы в начале рассматриваемого периода.

Наиболее заметное снижение отмечено в России (с 5,5 до 4,4 кг/мес., $-20,0\%$), Молдове (с 4,3 до 3,4 кг/мес., $-20,9\%$) и Беларуси (с 4,9 до 4,7 кг/мес., $-4,1\%$). В странах Центральной Азии и Закавказья потребление картофеля остается сравнительно невысоким (3,2–4,5 кг/мес. в 2022 г.). В Узбекистане и Азербайджане значения наиболее приближены к норме (4,5 и 6,4 кг/мес. соответственно), что отчасти может объясняться традициями использования картофеля в национальных кухнях и его доступностью на рынках.

Норма, установленная Минздравом России (7,5 кг/мес.), существенно превышает фактическое потребление во всех рассматриваемых странах. Это объясняется не только различиями в сложившихся моделях питания (российские рекомендации отражают более высокую традиционную долю картофеля в рационе), но и разной ролью этого продукта как источника калорий и пищевых волокон в разных климатических зонах.

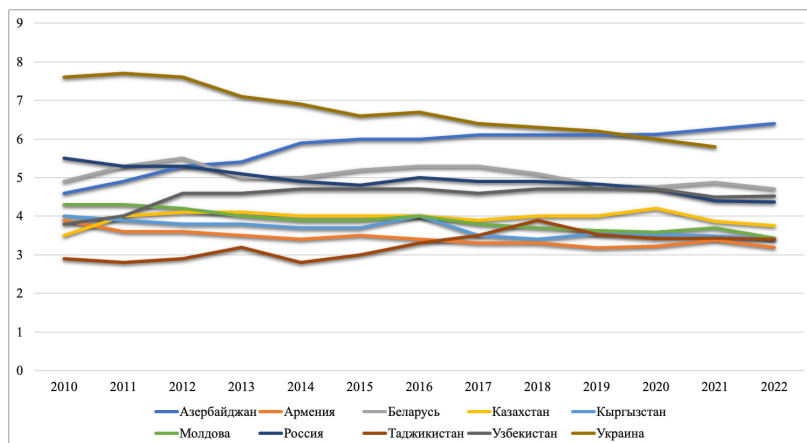

Рис. 2. Динамика потребления картофеля в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Поэтому количественные отклонения от нормы (от $-14,7\%$ в Азербайджане до $-57,5\%$ в Армении) не следует интерпретировать как критическую нехватку картофеля — они фиксируют глубокие структурные различия между эталонной российской моделью и реальным потреблением в других странах региона.

Снижение потребления картофеля может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, с расширением ассортимента овощей, фруктов и продуктов их переработки, частично замещающих картофель в повседневном меню. Во-вторых, с изменением потребительских предпочтений, особенно среди городского населения, в пользу менее трудоемких в приготовлении гарниров. В-третьих,

с сокращением доли домохозяйств, выращивающих картофель для собственного потребления, по мере урбанизации.

В ряде стран снижение потребления картофеля пока не сопровождается соразмерным ростом потребления овощей и источников пищевых волокон. Такая динамика может создавать предпосылки для недостаточного поступления отдельных микронутриентов, традиционно связанных с картофелем (витамин С, калий), однако для окончательных выводов необходимы прямые оценки нутриентного состава рационов.

Потребление овощей и бахчевых в странах СНГ демонстрирует наибольшую межстрановую дифференциацию среди всех рассмотренных групп продуктов, варьируясь в 2022 году от 6,0 кг/мес. (Армения) до 19,0 кг/мес. (Узбекистан) — более чем в три раза (рис. 3). Такая поляризация отражает сочетание агроклиматических условий, исторически сложившихся пищевых традиций и уровня развития овощеводства.

Узбекистан сохраняет стабильно высокое потребление овощей и бахчевых на протяжении всего периода наблюдения (19,0–23,2 кг/мес.), что в 1,6–2,0 раза превышает норму, установленную Минздравом России (11,7 кг/мес.).

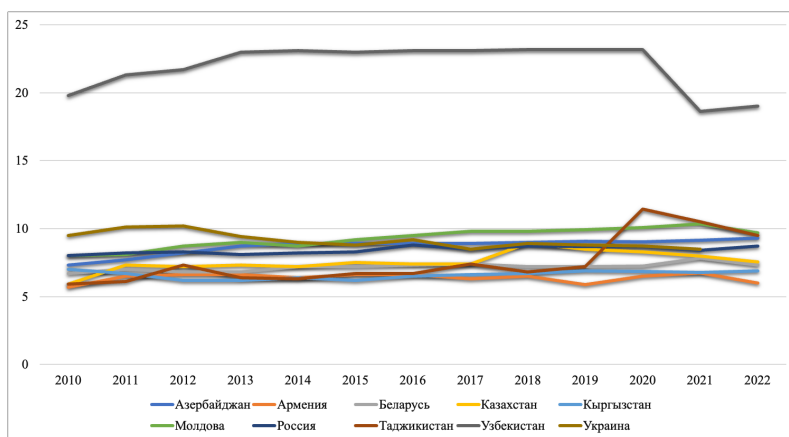

Рис. 3. Потребление овощей и бахчевых в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Следует отметить, что в статистике МСК СНГ бахчевые культуры включены в группу «овощи и бахчевые», что ведет к завышению показателя для стран с традиционно высоким потреблением дынь и арбузов, прежде всего Узбекистана.

В большинстве других стран региона потребление овощей и бахчевых находится существенно ниже нормы. Армения сохраняет наиболее низкие значения на протяжении всего периода (5,7–6,7

кг/мес.), что более чем на 40% ниже нормы. Столь заметное отставание может быть связано с ограниченными возможностями овощеводства в горных районах республики и высокой стоимостью импортных овощей в зимний период. Значения ниже нормы зафиксированы также в Кыргызстане (6,9 кг/мес., -41,0% от нормы) и Беларуси (7,3 кг/мес., -37,6%).

В России, Молдове и Азербайджане потребление овощей и бахчевых несколько выше, хотя и не достигает нормы: Россия (8,7 кг/мес., -25,6%), Молдова (9,7 кг/мес., -17,2%), Азербайджан (9,3 кг/мес., -20,4%). При этом ни в одной из этих стран не наблюдается выраженной положительной динамики, что свидетельствует об отсутствии устойчивого тренда к сближению с рекомендуемым уровнем. В Молдове зафиксирован умеренный рост (+21,3% за период), однако его масштаб пока не привел к достижению нормы.

Таджикистан демонстрирует временный всплеск потребления: в 2020–2021 годах показатель вырос с 6,3 до 11,4 кг/мес., превысив норму, но в 2022 году снизился до 9,5 кг/мес. (-18,8% от нормы), вернувшись к уровню, близкому к 2019 года. Это указывает на чувствительность потребления к экономическим условиям — скорее всего, к колебаниям доходов и цен.

Таким образом, все страны, кроме Узбекистана, находятся в зоне отрицательных отклонений. Наиболее значительные расхождения зафиксированы в Армении (-48,7%), Кыргызстане (-41,0%) и Беларуси (-37,6%). Подобные межстрановые различия могут указывать на неодинаковую роль овощей и бахчевых как источника пищевых волокон, витаминов С, А и фолиевой кислоты в рационах населения разных стран. Однако сами по себе отклонения от российского норматива не являются прямым свидетельством микронутриентной недостаточности — для ее оценки необходим учет потребления фруктов, зелени и других источников микронутриентов, а также данных о фактическом пищевом статусе населения.

Потребление мяса и мясопродуктов демонстрирует значительную межстрановую поляризацию: в 2022 году разброс составил 4,4 раза — от 1,8 кг/мес. в Таджикистане и Кыргызстане до 7,9 кг/мес. в России (рис. 4). Такая дифференциация отражает сочетание экономических возможностей, исторически сложившихся пищевых традиций и уровня развития животноводства в странах региона.

Сопоставление с нормой, установленной Минздравом России (6,3 кг/мес.), выявляет три группы стран.

Первая группа — Россия и Беларусь, где фактическое потребление превышает норму: Россия (7,9 кг/мес., +25,4%) демонстрирует устойчивый рост с 6,6 кг/мес. (2010) до 7,9 кг/мес. (2022); Беларусь (6,8 кг/мес., +7,9%) сохраняет высокие показатели на протяжении всего периода. Казахстан (6,5 кг/мес.) находится практически на уровне нормы (+3,5%), продемонстрировав наиболее выраженный рост (+47,7% за 12 лет), что может быть связано с развитием мясного животноводства и повышением реальных доходов.

Вторая группа — Молдова (4,5 кг/мес., –28,6%) и Узбекистан (3,7 кг/мес., –40,5%), в которых потребление заметно ниже нормы, хотя и демонстрирует умеренную положительную динамику за рассматриваемый период.

Третья группа — Армения (2,3 кг/мес., –63,5%), Азербайджан (2,9 кг/мес., –53,3%), Кыргызстан (1,8 кг/мес., –71,4%) и Таджикистан (1,8 кг/мес., –71,4%), где потребление остается стабильно низким относительно нормы.

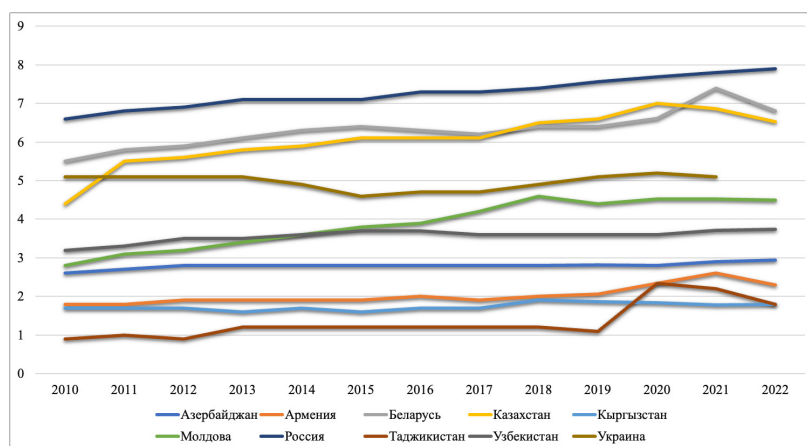

Рис. 4. Потребление мяса и мясопродуктов в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)

Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Таджикистане зафиксирован временный рост потребления мяса в 2020–2021 годах (до 2,3 кг/мес.), совпавший с ростом денежных переводов трудовых мигрантов, однако в 2022 году показатель вернулся к уровню 1,8 кг/мес. Подобная волатильность указывает на высокую зависимость потребления от внешних экономических факторов.

Низкое потребление мяса, характерное для ряда стран Центральной Азии и Закавказья, потенциально может ограничивать поступление в рацион легкоусвояемого (гемового) железа, витамина В12 и цинка — микронутриентов, значимым источником которых служат мясные продукты. Оценка фактической обеспеченности этими нутриентами требует специального анализа рационов в разрезе доходных и возрастных групп, что выходит за рамки агрегированных данных.

В России и Беларуси потребление мяса заметно превышает норму, что само по себе не является индикатором несбалансированности, однако при сохранении низкого потребления овощной

продукции может формировать определенные риски для здоровья, связанные с избыточной долей насыщенных жиров в рационе. Эта особенность рассматривается в рамках типа «структурная инерция».

Потребление молока и молочных продуктов в странах СНГ характеризуется резкой межстрановой поляризацией: в 2022 году разброс составил 15,8 раза — от 1,5 л/мес. в Армении до 23,7 л/мес. в Беларуси (рис. 5). Подобные контрасты отражают комплекс факторов — масштабы и продуктивность молочного животноводства, исторически сложившиеся пищевые традиции, экономическую доступность молочной продукции для домохозяйств.

В качестве ориентира для сопоставления используется норматив, установленный Минздравом России, — 28,3 л/мес. (340 кг/год). Фактически ни одна из рассматриваемых стран не достигает этого уровня, однако степень отклонения варьирует кардинально, что позволяет разделить государства на три группы.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

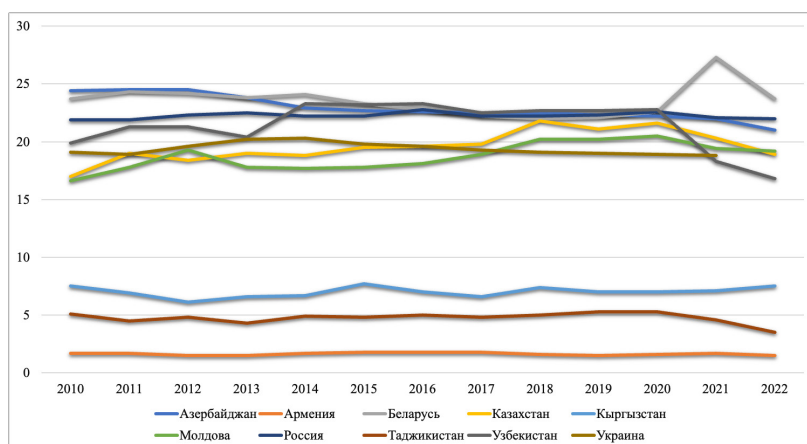

Рис. 5. Потребление молока и молочных продуктов в странах СНГ, 2010–2022 гг. (л/мес.)

Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Первая группа — страны с наиболее высоким потреблением, приближающимся к норме (22–24 л/мес.): Беларусь (23,7 л/мес., –16,3% от нормы), Россия (22,0 л/мес., –22,3%), Азербайджан (21,0 л/мес., –25,8%) и Молдова (19,2 л/мес., –32,2%). В Беларуси потребление остается сравнительно стабильным на протяжении всего периода (22,0–27,3 л/мес.), что связано с развитой молочной промышленностью и традиционно высокой долей молочных продуктов в рационе. Россия сохраняет устойчивый уровень около 22 л/мес. В Азербайджане и Молдове отклонение от нормы несколь-

ко больше, однако молочная продукция остается значимой составляющей рациона.

Вторая группа — страны с умеренно низким потреблением (16–19 л/мес.): Казахстан (18,9 л/мес., –33,2%) и Узбекистан (16,8 л/мес., –40,6%). В Казахстане после заметного роста в 2018–2020 годах (до 21,8 л/мес.) наметилось снижение. Узбекистан демонстрирует заметный спад в последние годы (с 22,8 л/мес. в 2020 г. до 16,8 л/мес. в 2022 г.), причины которого могут быть связаны с ценовыми и доходными факторами.

Третья группа — страны с потреблением значительно ниже нормы (до 8 л/мес.): Кыргызстан (7,5 л/мес., –73,5%), Таджикистан (3,5 л/мес., –87,6%) и Армения (1,5 л/мес., –94,7%). Такие значения лишь отчасти объясняются погрешностями учета (в Армении и Кыргызстане часть молочных продуктов из личных подсобных хозяйств может не попадать в официальную статистику), но даже с учетом этого недопустимо считать, что разрыв с нормой полностью компенсируется за счет домашнего производства. Скорее, он сигнализирует о систематически низкой роли молока и его производных в традиционном рационе или о крайне ограниченной экономической доступности этих продуктов для значительной части населения.

Особого внимания заслуживает динамика в Таджикистане, где потребление снизилось с 5,1 л/мес. (2010) до 3,5 л/мес. (2022) с кратковременным подъемом до 5,3 л/мес. в 2019–2020 годах. Эта волатильность согласуется доходами домохозяйств, сильно зависящих от денежных переводов трудовых мигрантов.

Низкое потребление молочных продуктов в ряде стран означает потенциально ограниченное поступление с рационом кальция, витамина B12 и рибофлавина, традиционно ассоциируемых с этой группой продуктов. Однако прямая экстраполяция отклонений от продуктового ориентира на уровень микронутриентной обеспеченности была бы некорректной: окончательные выводы требуют анализа индивидуальных рационов и данных о пищевом статусе населения. Тем не менее выявленные межстрановые различия подчеркивают неодинаковую роль молочных продуктов в питании и могут служить основанием для углубленных исследований в странах с наиболее низкими показателями.

Среди всех групп продуктов питания яйца занимают особое место в структуре потребления стран СНГ: они демонстрируют наименьшую вариацию между странами при одновременном устойчивом росте на протяжении 2010–2022 годов (рис. 6). В 2022 году разброс потребления составил всего 2,5 раза (от 8 шт./мес. в Кыргызстане до 20 шт./мес. в Беларуси и России), что контрастирует с 15,8-кратной разницей по молочным продуктам или 4,4-кратной — по мясу. Такая однородность отражает универсальную роль яиц как экономически доступного источника полноценного животного белка, особенно значимого при ограниченной покупательной способности населения.

Особенность динамики — заметный рост потребления в странах, стартовавших с наиболее низких уровней: Таджикистан (+333% к 2010 г.), Узбекистан (+67%), Кыргызстан (+60%).

В странах с низким потреблением мяса и молока (Таджикистан, Кыргызстан, отчасти Армения) яйца выступают важным источником полноценного белка и ряда микронутриентов (витамины А, D, B12, холин, железо), частично компенсируя ограниченный доступ к другим продуктам животноводства.

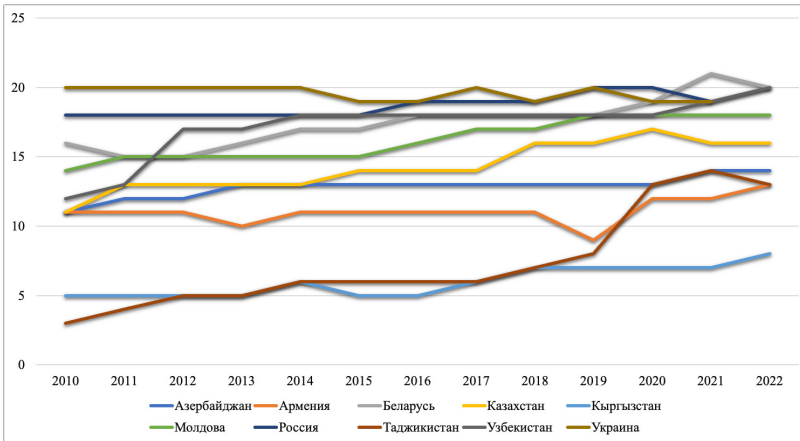

Рис. 6. Потребление яиц в странах СНГ, 2010–2022 гг. (шт./мес.)

Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Таджикистане, где потребление мяса составляет 1,8 кг/мес., а молока — 3,5 л/мес., рост потребления яиц с 3 до 13 шт./мес. за 12 лет может рассматриваться как адаптационная стратегия домохозяйств, стремящихся восполнить нехватку животных белков наиболее доступным способом.

В странах с традиционно высоким потреблением (Беларусь, Россия) яйца интегрированы в структуру «мясо-молочного» рациона как дополнительный источник белка и микронутриентов. Здесь наблюдается стабилизация потребления на уровне 18–20 шт./мес., близком к норме, установленной Минздравом России ($\approx 22,5$ шт./мес.).

В Беларуси в 2021 году зафиксирован временный подъем до 21 шт./мес., совпавший с пандемийным периодом, что может объясняться краткосрочным изменением потребительского поведения в условиях неопределенности.

Относительно нормы 22,5 шт./мес. в 2022 году все страны, кроме России и Беларуси (отклонения –12% и –11% соответственно), демонстрируют более заметные отрицательные отклонения: от –20% в Узбекистане до –64% в Кыргызстане. Это указывает на то, что

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

яйца, несмотря на их растущую доступность, еще не достигли уровня, рекомендуемого для полного удовлетворения потребностей в соответствующих нутриентах, в большинстве стран региона. Однако следует учитывать, что яйца — лишь один из возможных источников белка и микронутриентов, и более полная оценка обеспеченности требует анализа всего рациона.

В странах с наиболее низкими показателями (Кыргызстан — 8 шт./мес., Таджикистан — 13 шт./мес.) сохраняющееся отставание от нормы может быть связано с недостаточным развитием локального птицеводства, зависимостью от импортных поставок и ограниченной покупательной способностью части домохозяйств.

Интегральным показателем энергетической ценности питания выступает калорийность потребленных продуктов. По данным МСК СНГ за 2022 год, ее уровень варьирует от 2058 ккал/сут. в Армении до 2979 ккал/сут. в Азербайджане (табл. 2). Большинство стран демонстрируют формальную калорийную достаточность: в семи из девяти стран показатель превышает нижнюю границу физиологической нормы (2300 ккал/сут. для взрослого населения с умеренной физической активностью).

Главный же вывод заключается в том, что калорийная достаточность не гарантирует сбалансированности рациона. В странах с высокой долей хлеба и картофеля в энергетической ценности (Таджикистан — 68%, Армения — 63%, Кыргызстан — 58%) формальная норма достигается преимущественно за счет крахмалсодержащих продуктов при значительно более низком, чем рекомендуется, потреблении основных источников животного белка и микронутриентов. Так, в Таджикистане калорийность составляет 2594 ккал/сут., однако потребление мяса (1,8 кг/мес.) и молока (3,5 л/мес.) многократно уступает нормам, установленным Минздравом России (6,3 кг/мес. и 28,3 л/мес. соответственно); потребление овощей (9,5 кг/мес.) также не достигает рекомендованных 11,7 кг/мес. Подобная структура питания характерна для состояния, известного в литературе как «скрытый голод», — хронического дефицита микронутриентов при достаточной или даже избыточной калорийности рациона.

Таблица 2. Калорийность рациона в странах СНГ, 2022 г. (ккал/сут. на члена домохозяйства)

Страна	Калорийность, ккал/сут.	Отклонение от нижней границы нормы (2300 ккал), %	Доля хлеба и картофеля в рационе, %	Потребление мяса, кг/мес.	Потребление молока, л/мес.
Азербайджан	2966	+29,0	45	2,9 (–54,0%)	21,0 (–25,8%)

Армения*	2058	−10,5	63	2,3 (−63,5%)	1,5 (−94,7%)
Беларусь	2637	+14,7	35	6,8 (+7,9%)	23,7 (−16,3%)
Кыргызстан	2299	−0,0	58	1,8 (−71,4%)	7,5 (−73,5%)
Молдова	2459	+7,0	52	4,5 (−28,6%)	19,2 (−32,2%)
Россия	2574	+11,9	35	7,9 (+25,4%)	22,0 (−22,3%)
Таджикистан	2594	+12,8	68	1,8 (−71,4%)	3,5 (−87,6%)
Украина*	2779	+20,8	40	5,1 (−19,0%)	18,9 (−33,2%)

* Данные за 2020 г. (последние доступные).

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Таким образом, анализ калорийности подтверждает наличие двух контрастных паттернов несбалансированного питания:

1. «Скрытый голод» в странах с моноструктурным рационом (Таджикистан, Кыргызстан, отчасти Армения) — достаточная или близкая к норме калорийность, обеспеченная в основном хлебом и картофелем, при значительном отставании потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных величин, что может ограничивать поступление незаменимых аминокислот, железа, кальция и витаминов.
2. Дисбалансированный рацион с избыточной калорийностью (Россия, Беларусь) — превышение нормы по мясу при недостаточном потреблении овощей и пищевых волокон, формирующее потенциальные риски для здоровья, связанные с избытком насыщенных жиров.

Выявленные паттерны подчеркивают необходимость перехода от оценки продовольственной безопасности исключительно через среднюю калорийность к комплексному анализу, учитывающему сбалансированность рациона, его разнообразие и экономическую устойчивость доступа домохозяйств к качественным продуктам питания.

Экономический контекст доступа к питанию: доходы, расходы и уязвимость домохозяйств

Доступ к рациональному питанию определяется не только аграрно-производственными возможностями страны, но и экономической базой домохозяйств, формирующей их способность приобре-

тать разнообразные продукты питания в необходимых количествах. Согласно концепции продовольственной безопасности, разработанной ФАО, экономический доступ (economic access) представляет собой ключевой компонент, без которого физическая доступность продовольствия теряет практическое значение для значительных слоев населения. В условиях стран СНГ экономический контекст приобретает особую значимость вследствие выраженной дифференциации уровня денежных доходов и сохраняющейся зависимости части домохозяйств от минимального набора продуктов с высокой калорийной плотностью при низкой микронутриентной ценности.

Анализ данных МСК СНГ выявляет устойчивый рост номинальных денежных доходов во всех странах региона (табл. 3).

Наиболее высокие темпы зафиксированы в Таджикистане (+326,3%), что отражает как восстановление экономики, так и рост объемов денежных переводов трудовых мигрантов, составляющих до 30% ВВП республики. Кыргызстан демонстрирует рост на +166,5%, Молдова — на +193,0%.

Страны Восточной Европы показывают умеренные темпы: Россия — +93,4% (за период 2011–2021 гг.), Азербайджан — +108,5%, Казахстан — +110,2% (за период 2012–2021 гг.). Беларусь после деинфляции 2016 года демонстрирует рост на +80,5% за пятилетний период (2016–2021 гг.).

Однако номинальный рост доходов напрямую не транслируется в улучшение структуры потребления. В Таджикистане, несмотря на рекордный прирост доходов, потребление мяса в 2022 году составляет 1,8 кг/мес. (–71,4% от нормы Минздрава 6,3 кг/мес.), молока — 3,5 л/мес. (–87,6% от нормы 28,3 л/мес.), а доля хлебных изделий в рационе достигает 68% калорийности. В России рост доходов сопровождался увеличением потребления мяса до 7,9 кг/мес. (+25,4% к норме), но при этом потребление овощей (8,7 кг/мес.) остается ниже нормы в 11,7 кг/мес.

Такая слабая связь между динамикой доходов и структурой питания может объясняться тремя факторами. Во-первых, инфляционным обесцениванием — в Таджикистане и Кыргызстане номинальный рост доходов частично нивелировался среднегодовой инфляцией 7–9%, тогда как в России рост доходов (+93%) при среднегодовой инфляции 6–7% фактически означал стагнацию реальных доходов в 2014–2020 годах. Во-вторых, структурой расходов — значительная доля доходов направляется на непродовольственные статьи (жилье, коммунальные услуги, транспорт), что ограничивает возможности для диверсификации рациона. В-третьих, относительными ценами — в странах Центральной Азии мясо в 5–7 раз дороже хлеба в пересчете на калорийность, что формирует экономический стимул к потреблению зерновых даже при росте доходов.

Структура источников денежных доходов выявляет фундаментальные различия в экономической устойчивости доступа к продо-

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Таблица 3. Динамика денежных доходов домашних хозяйств в странах СНГ, 2010–2021 гг.

Страна (валюта)	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Изменение, %
Азербайджан (манат)	144,2	166,0	490,9	214,7	230,0	240,5	257,8	268,4	276,0	292,6	291,4	300,6	+108,5
Армения (драм)	31553,0	34206,0	39056,5	42405,0	49717,4	52377,2	56544,4	58474,0	61047,0	61075,9	71182,4	76057,9	+141,0
Беларусь (рубль1)	669,1	1033,5	1941,9	2702,6	3220,6	3544,5	369,4	390,3	452,7	518,2	563,5	666,9	+80,52)
Казахстан (тенге)	–	–	32872,0	36047,8	38980,3	41105,3	44463,4	47561,9	52419,4	57725,3	62035,3	69111,1	+110,23)
Кыргызстан (сом)	2494,4	2936,4	3215,8	3336,3	3919,2	4048,0	4230,6	4701,6	5281,4	5630,5	5625,4	6647,8	+166,5
Молдова (лей)	1123,3	1279,8	1339,1	1507,0	1584,8	1756,2	1868,9	2043,3	2176,5	2658,0	2875,1	3291,2	+193,0
Россия (рубль4)	–	17570,7	–	22995,9	24088,7	25723,8	26552,4	26717,6	28267,9	30052,6	30960,0	33979,6	+93,45)
Таджикистан (сомони)	160,5	196,1	225,2	259,9	276,4	270,8	299,2	344,4	372,1	425,4	505,2	684,2	+326,3
Украина (гривна)	1207,1	1636,4	1795,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1) Деноминация 2016 г. (10 000 старых руб. = 1 новый руб.).

2) Расчет изменения за период 2016–2021 гг. (в новых рублях) из-за деноминации.

3) Расчет изменения за период 2012–2021 гг. (первый доступный год).

4) С 2016 г. — данные «на потребителя» (с учетом фактического пребывания в домохозяйстве), а не «на душу населения».

5) Расчет изменения за период 2011–2021 гг. (первый доступный год).

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ».

вольствию между странами СНГ и позволяет выделить три принципиально различных типа стабильности доходной базы (табл. 4).

Таблица 4. Структура источников денежных доходов домашних хозяйств в странах СНГ, 2010 и 2022 гг. (% к денежному доходу)

Страна	Источник дохода	2010 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Тип структуры доходов
Россия	Оплата труда	68,6	70,8	+2,2	Стабильный на- емный труд
	Предприниматель- ство	6,7	6,6	-0,1	
	Сельское хозяйство	0,3	0,2	-0,1	
	Пенсии	14,7	14,2	-0,5	
Беларусь	Оплата труда	63,6	62,8	-0,8	Стабильный на- емный труд + высокие пенсии
	Предприниматель- ство	2,7	0,0	-2,7*	
	Сельское хозяйство	1,1	0,3	-0,8	
	Пенсии	21,1	25,8	+4,7	
Казахстан	Оплата труда	69,7	64,0	-5,7	Стабильный на- ёмный труд
	Предприниматель- ство	8,6	8,0	-0,6	
	Сельское хозяйство	2,2	1,2	-1,0	
	Пенсии	12,8	18,5	+5,7	
Азербай- джан	Оплата труда	34,7	37,9	+3,2	Смешанный тип
	Предприниматель- ство	25,2	22,2	-3,0	
	Сельское хозяйство	13,9	10,7	-3,2	
	Пенсии	12,4	16,2	+3,8	
Молдова	Оплата труда	48,1	54,1	+6,0	Смешанный тип + денежные переводы**
	Предприниматель- ство	7,7	6,7	-1,0	
	Сельское хозяйство	0,4	3,2	+2,8	
	Пенсии	17,1	16,8	-0,3	
Армения	Оплата труда	53,1	52,6	-0,5	Смешанный тип + денежные переводы**
	Предприниматель- ство	7,0	12,5	+5,5	
	Сельское хозяйство	3,7	6,6	+2,9	
	Пенсии	15,9	14,9	-1,0	

Кыргызстан	Оплата труда	39,2	43,1	+3,9	Нестабильные доходы
	Предпринимательство	14,3	13,2	-1,1	
	Сельское хозяйство	17,4	12,4	-5,0	
	Пенсии	12,9	13,5	+0,6	
Таджикистан	Оплата труда	19,2	26,5	+7,3	Нестабильные доходы + денежные переводы**
	Предпринимательство	29,1	19,2	-9,9	
	Сельское хозяйство	8,9	5,7	-3,2	
	Пенсии	4,3	5,0	+0,7	

* В Беларуси с 2016 г. данные по предпринимательству не выделяются отдельно и включаются в показатель «оплата труда».

** В Молдове, Армении и Таджикистане значительная доля доходов формируется за счет денежных переводов трудовых мигрантов, которые в статистике МСК СНГ учитываются в графе «прочие доходы» и не отражены в таблице.

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Страны со стабильной структурой доходов (Россия, Беларусь, Казахстан) характеризуются доминирующей долей оплаты труда (63–71% в 2022 г.) при минимальной доле сельскохозяйственных доходов (< 2%). Такая структура обеспечивает предсказуемость денежных потоков домохозяйств, но не гарантирует сбалансированности питания: даже при достаточных доходах может сохраняться инерция сложившихся пищевых привычек (т.н. «структурная инерция» рациона).

Страны со смешанной структурой доходов (Азербайджан, Молдова, Армения) демонстрируют более диверсифицированное распределение источников, что создает определенную буферность при временном снижении одного из них. Однако в условиях относительно низкого среднего уровня доходов (особенно в Армении и Молдове) этой буферности может оказаться недостаточно для обеспечения разнообразия рациона. Страны с нестабильной структурой доходов (Кыргызстан, Таджикистан) характеризуются высокой долей предпринимательских и сельскохозяйственных доходов, а также значительной зависимостью от денежных переводов трудовых мигрантов (до 30% ВВП в Таджикистане). Это порождает «циклическую моноструктурность» рациона: в периоды высоких поступлений наблюдается кратковременное улучшение разнообразия питания, в периоды спада — возврат к минимальному набору продуктов с высокой калорийной плотностью (хлеб, картофель).

Согласно классификации Ангеля, доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в общих потребительских расходах служит индикатором экономической уязвимости домохо-

зайств: менее 30% — высокий уровень благосостояния, 30–40% — средний, свыше 40% — низкий с повышенной чувствительностью к продовольственным шокам. Данные МСК СНГ за 2010–2022 годы выявляют устойчивую дифференциацию стран по этому показателю (табл. 5).

Таблица 5. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в общих потребительских расходах домашних хозяйств в странах СНГ, 2010 и 2022 гг. (%)

Страна	2010 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Уровень экономической уязвимости (2022 г.)
Россия	32,9	32,9	0,0	Средний
Беларусь	39,0	36,8	–2,2	Средний
Казахстан	41,6	51,2	+9,6	Высокий
Армения	51,8	44,5	–7,3	Высокий
Кыргызстан	52,4	51,2	–1,2	Критический
Азербайджан	48,2	43,5	–4,7	Высокий
Таджикистан*	63,7	48,8	–14,9	Высокий

* Данные Таджикистана по КИПЦ отсутствуют; приведены данные по укрупненной группе «Продукты питания».

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Наиболее низкая доля расходов на питание в 2022 году отмечена в России (32,9%) и Беларуси (36,8%), что соответствует среднему уровню уязвимости. Большинство стран региона, однако, превышают 40-процентный порог, указывая на повышенную уязвимость: в Кыргызстане и Казахстане доля расходов на питание превышает 50% (51,2% в обеих странах), в Армении, Азербайджане, Молдове и Таджикистане находится в диапазоне 43–49%.

Страны с наиболее высокой долей расходов на питание, как правило, характеризуются моноструктурным рационом: в Кыргызстане (51,2%) доля хлеба и картофеля в калорийности достигает 58%, в Таджикистане (48,8%) — 68%, в Армении (44,5%) — 63%. При этом потребление мяса, молока и овощей в них существенно уступает рекомендованным нормам. Высокая доля расходов на питание сама по себе не означает обязательного перехода к моноструктурному рациону при любом шоке, но делает домохозяйства потенциально более чувствительными к колебаниям цен и доходов.

Покупательная способность среднедушевых доходов позволяет оценить физическую доступность ключевых продуктов (табл. 6). Разрыв между странами остается значительным. В России и Беларуси на средний доход можно приобрести объемы, многократно превышающие потребности по всем группам.

Таблица 6. Покупательная способность доходов в отношении ключевых продуктов питания в странах СНГ, 2022 г. (кг или шт. на средний месячный доход)

Страна	Картофель, кг	Яйца, шт.	Молоко, л	Масло животное, кг	Хлеб пшеничный, кг	Говядина, кг	Индекс доступа к микронутриентным продуктам*
Россия	1049	5975	572	58	571	102	100,0
Беларусь	633	3040	510	45	340	98	96,3
Казахстан	478	2009	263	25	434	34	54,8
Молдова	433	1430	262	23	258	36	51,2
Армения	285	1328	222	16	149	23	36,5
Азербайджан	390	1514	341	32	404	28	42,1
Кыргызстан	245	789	173	17	131	16	26,7
Таджикистан	132	130	35	10	64	10	12,4

* Индекс рассчитан как среднее арифметическое нормированных значений по молоку, яйцам и говядине (база — Россия = 100).

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Казахстане, Молдове, Азербайджане и Армении покупательная способность в отношении микронутриентно-плотных продуктов (молоко, говядина, яйца) заметно ниже, чем в России. В Таджикистане и Кыргызстане она минимальна: на средний месячный доход в Таджикистане в 2022 году можно было купить лишь 132 кг картофеля, 130 яиц, 35 л молока и 10 кг говядины. Это свидетельствует о крайне ограниченных возможностях для приобретения полноценного набора продуктов питания даже на среднюю заработную плату.

При этом важно подчеркнуть, что высокая покупательная способность (как в России и Беларуси) автоматически не ведет к сбалансированному рациону: существенную роль играют сложившиеся пищевые предпочтения и относительные цены на различные категории продуктов.

Уровень бедности, измеряемый долей населения с доходами ниже черты бедности, остается высоким в Кыргызстане (29,8%), Таджикистане (21,2%), Армении (21,7%) и Молдове (31,6%) (табл. 7). В этих странах бедность сочетается с моноструктурностью рациона и низ-

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

ким потреблением мяса и молока. В то же время низкий уровень бедности в Беларуси (3,9%), Казахстане (5,2%) и Азербайджане (5,3%) не устраняет дисбалансы в структуре питания, в частности, избыточное относительно нормы потребление мяса и недостаток овощей.

Коэффициент фондов (отношение доходов 20% наиболее и наименее обеспеченных групп) варьирует от 2,9 в Азербайджане до 8,5 в Кыргызстане (табл. 8). Высокие значения в Кыргызстане (8,5), России (8,0) и Армении (7,0) указывают на значительную внутри-страновую дифференциацию доходов. При отсутствии данных о потреблении в разрезе доходных групп прямая связь неравенства с разнообразием рациона на агрегированном уровне не может быть установлена, однако косвенные показатели (доля расходов на питание, уровень бедности) позволяют предполагать, что в странах с высоким неравенством наименее обеспеченные группы особенно уязвимы к нехватке микронутриентов.

Таблица 7. Доля населения ниже черты бедности в странах СНГ, 2000 и 2022 гг. (%)

Страна	2000 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Уровень бедности (2022 г.)	Потребление мяса, кг/мес.	Потребление молока, л/мес.
Таджикистан	—	21,2	—	Высокий	1,8 (–71,4%)	3,5 (–87,6%)
Кыргызстан	56,4	29,8	–26,6	Высокий	1,8 (–71,4%)	7,5 (–73,5%)
Армения	—	21,7	—	Высокий	2,3 (–63,5%)	1,5 (–94,7%)
Молдова	—	31,6	—	Критический	4,5 (–28,6%)	19,2 (–32,2%)
Россия	29,0	9,0	–20,0	Средний	7,9 (+25,4%)	22,0 (–22,3%)
Беларусь	41,9	3,9	–38,0	Низкий	6,8 (+7,9%)	23,7 (–16,3%)
Казахстан	—	5,2	—	Низкий	6,5 (+3,2%)	18,9 (–33,2%)
Азербайджан	49,0	5,3	–43,7	Низкий	2,9 (–54,0%)	21,0 (–25,8%)
Узбекистан	27,5	11,0	–16,5	Средний	3,7 (–41,3%)	16,8 (–40,6%)

Примечание: данные по Таджикистану за 2000 г. отсутствуют; по Молдове и Армении — неполные ряды наблюдения. Отклонения в скобках рассчитаны от норм Минздрава России (мясо — 6,3 кг/мес., молоко — 28,3 л/мес.).

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Таблица 8. Распределение общего фонда доходов домашних хозяйств по 20% группам населения в странах СНГ, 2022 г. (%)

Страна	Первый квинтиль (бедней- шие 20%)	Второй квинтиль	Третий квинтиль	Четвертый квинтиль	Пятый квинтиль (богатеи- шие 20%)	Коэф- фициент фондов (5-я/1-я)
Россия	5,7	10,3	15,4	22,8	45,8	8,0
Беларусь	9,6	13,7	16,9	21,7	38,1	4,0
Казахстан	9,8	13,0	16,3	21,7	39,2	4,0
Азербай- джан	11,5	15,0	18,2	22,2	33,1	2,9
Молдова	6,9	11,9	16,1	22,0	43,1	6,3
Армения	6,1	11,8	16,7	22,7	42,7	7,0
Кыргыз- стан	5,3	10,1	15,5	24,1	45,0	8,5
Узбеки- стан	8,6	13,1	16,8	22,0	39,5	4,6

* Данные Таджикистана за 2022 г. отсутствуют в предоставленной статистике.

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ
«Статистика СНГ»

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потреб-
ления продоволь-
ствия и экономиче-
ская доступность
рационального
питания в стра-
нах СНГ: выяв-
ление скрытой
уязвимости

Проведенный анализ экономического контекста позволяет сформулировать несколько обобщений, которые, однако, не должны восприниматься как жесткие утверждения, а скорее, как наблюдаемые закономерности, требующие дальнейшей проверки на микроданных:

1. Номинальный рост доходов не обязательно сопровождается улучшением структуры питания: в странах с низким исходным уровнем доходов он часто нивелируется инфляцией и необходимостью нести обязательные непродовольственные расходы, а в странах с высокими доходами — консервирует сложившиеся пищевые паттерны.
2. Характер уязвимости связан со структурой доходов: преобладание стабильной оплаты труда создает предсказуемость, но может закреплять дисбаланс рациона из-за инерции привычек; высокая доля нестабильных источников (предпринимательство, переводы мигрантов) формирует циклическую моноструктурность, следуя за колебаниями поступлений.
3. Доля расходов на питание свыше 40% маркирует зону повышенной чувствительности к ценовым и доходным шокам, хотя для точной оценки масштабов этой чувствительности необходимы эконометрические модели спроса.
4. Покупательная способность в отношении микронутриентно-плотных продуктов (молоко, мясо, яйца) дает более информативную картину, чем номинальные доходы или общая калорийность, однако и она не гарантирует сбалансирован-

ности рациона из-за влияния пищевых привычек и относительных цен.

5. Яйца в странах с низкой доступностью мяса и молока выступают экономически доступным источником животного белка, частично компенсируя ограниченность других белковых продуктов, но для окончательных выводов о достаточности компенсации требуется анализ аминокислотного состава рационов.

Таким образом, экономический контекст доступа к рациональному питанию в странах СНГ характеризуется сложным сочетанием факторов, определяющих не только текущий уровень, но и устойчивость доступа к разнообразному питанию. Комбинация структуры доходов, доли расходов на питание, покупательной способности и степени неравенства формирует в разных странах специфические режимы уязвимости — от «циклической моноструктурности» в Таджикистане до «структурной инерции» в России. Полученные результаты создают основу для более детального, дезагрегированного по доходным группам анализа и подчеркивают необходимость включения экономических индикаторов в системы мониторинга продовольственной безопасности.

Выявление скрытой продовольственной уязвимости: пересечение потребления и экономической уязвимости

Проведенный анализ структуры потребления и экономического контекста позволяет перейти от описания отдельных показателей к синтетической оценке скрытых форм уязвимости, не фиксируемых традиционными подходами к измерению продовольственной безопасности. Традиционная методология ФАО, ориентированная преимущественно на калорийность рациона и агрегированные показатели производства, оказывается недостаточной для выявления системных рисков, связанных с моноструктурностью питания, микронутриентной недостаточностью и экономической хрупкостью доступа к качественному питанию (табл. 9).

Скрытая продовольственная уязвимость — это состояние, при котором формальные показатели (агрегированная калорийность рациона, среднее потребление продуктов на душу населения) создают иллюзию продовольственной безопасности, однако домохозяйства при этом остаются сильно подверженными экономическим шокам и могут испытывать нехватку микронутриентов из-за моноструктурного характера рациона.

В отличие от традиционного недоедания (калорийный дефицит < 2100 ккал/сут.), скрытая уязвимость может проявляться в трех формах:

Скрытый голод — достаточная либо формально приемлемая калорийность, достигаемая в основном за счет хлеба и картофеля,

при значительном отставании потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных норм. Типичный пример — Таджикистан: калорийность рациона (2594 ккал/сут.) формально превышает нижнюю границу нормы, однако доля хлеба и картофеля в ее структуре достигает 68%, а потребление мяса составляет лишь 1,8 кг/мес. (норма — 6,3 кг/мес.), молока — 3,5 л/мес. (норма — 28,3 л/мес.), овощей — 9,5 кг/мес. (норма — 11,7 кг/мес.). Подобное сочетание может ограничивать поступление железа, кальция, витаминов С и группы В, что особенно значимо для уязвимых групп — детей и женщин репродуктивного возраста.

Хрупкое благополучие — формально приемлемое потребление при доле расходов на питание свыше 40%. Высокая доля таких расходов означает, что даже умеренный рост цен или снижение доходов способны вынудить домохозяйства резко сократить потребление более дорогих микронутриентно-плотных продуктов (молока, мяса, овощей) и перейти к моноструктурному рациону с доминированием хлеба и картофеля. Примером может служить Казахстан: доля расходов на питание здесь составляет 51,2% — одно из самых высоких значений в регионе — при том, что потребление мяса и молока лишь незначительно отклоняется от нормы. Это создает «иллюзию благополучия»: агрегированные показатели потребления выглядят удовлетворительно, но маскируют высокую чувствительность домохозяйств к ценовым шокам.

Структурная инерция рациона — заметное превышение норм по одним продуктам при сохранении отставания по другим, наблюдаемое даже в странах с низкой долей расходов на питание. В России и Беларуси домохозяйства имеют достаточно ресурсов для приобретения разнообразного набора продуктов, однако сложившиеся пищевые привычки и относительная дороговизна овощной продукции способствуют сохранению дисбаланса. В результате потребление мяса в России достигает 7,9 кг/мес. (при норме 6,3 кг/мес.), а в Беларуси — 6,8 кг/мес., тогда как потребление овощей составляет 8,7 кг и 7,3 кг соответственно (норма — 11,7 кг/мес.). Такая несбалансированность потенциально связана с избыточным поступлением насыщенных жиров на фоне дефицита пищевых волокон и антиоксидантов, что в долгосрочной перспективе может повышать риски некоторых неинфекционных заболеваний.

Ключевой методологический прием, использованный в работе, — экспертная группировка на основе кросс-табуляции показателей потребления с индикаторами экономической уязвимости. Именно пересечение нескольких измерений позволяет выявить скрытые риски, которые остаются незамеченными при анализе отдельных показателей. На основе комбинации четырех измерений — (1) разнообразие рациона (адаптированный индекс HDDS), (2) доля расходов на питание, (3) коэффициент фондов, (4) степень отклонения потребления мяса, молока и овощей от норм — выделены четыре типа продовольственной уязвимости (табл. 9). Данная типо-

логия построена экспертным путем, поскольку малое число стран ($n = 9$) не позволяет применить формальные процедуры кластеризации, а пороговые значения определены на основе содержательных критериев, принятых в литературе.

Устойчивая моноструктурность (Кыргызстан). Характеризуется низким разнообразием рациона ($HDDS < 6$), критически высокой долей расходов на питание (51,2%) и значительным неравенством (коэффициент фондов 8,5). Доля хлеба и картофеля в калорийности достигает 58%, а потребление мяса и молока находится на уровне, многократно уступающем нормам (1,8 кг/мес. и 7,5 л/мес. соответственно). Подобное сочетание делает рацион уязвимым для любых дополнительных экономических стрессов, способных еще сильнее сузить его разнообразие.

Циклическая моноструктурность (Таджикистан). Низкое разнообразие рациона ($HDDS < 6$) сочетается с высокой волатильностью доходов, обусловленной зависимостью от денежных переводов трудовых мигрантов (до 30% ВВП). В 2020–2021 годах приток переводов обеспечил временный рост потребления мяса до 2,3 кг/мес., однако к 2022 году показатель вернулся к 1,8 кг/мес.

Таблица 9. Типология стран СНГ по уровню скрытой продовольственной уязвимости, 2022 г.

Тип уязвимости	HDDS	Доля расходов на питание, %	Коэффициент фондов	Отклонение потребления (мясо/молоко/овощи)*	Страны	Характерные риски
Устойчивая моноструктурность	< 6	> 50	> 7	мясо –71%, молоко –74%, овощи –41%	Кыргызстан	При любых экономических шоках — углубление моноструктурности рациона, дальнейшее снижение поступления железа, кальция и витаминов

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Циклическая монотонность	< 6	40–50	–	мясо –71%, молоко –88%, овощи –19%	Таджикистан	Периодическое ухудшение разнообразия питания при снижении денежных переводов; риск микронутриентной недостаточности в «низкие» годы
Хрупкое благополучие	6–9	> 40	< 4	мясо от –54% до +3%, молоко от –95% до –26%, овощи от –49% до –17%	Казахстан, Азербайджан, Молдова, Узбекистан, (Армения — см. примечание)	Высокая чувствительность к ценовым шокам; при росте цен на продовольствие домохозяйства могут сокращать потребление молока, мяса и овощей, переходя на более дешевые калорийные источники

Структурная инерция	> 9	< 40	> 4	мясо +25%, +8%; овощи –26%, –38%	Россия, Беларусь	Сохранение несбалансированного рациона с избытком насыщенных жиров и недостатком пищевых волокон; потенциальное повышение риска неинфекционных заболеваний в долгосрочной перспективе
Устойчивое благополучие	> 9	< 40	< 4	минимальные отклонения	(не представлен)	–

* Отклонения от норм Минздрава России: мясо 6,3 кг/мес., молоко 28,3 л/мес., овощи 11,7 кг/мес. Отрицательные значения — недопотребление, положительные — превышение.

Примечание: Армения по ряду параметров (низкий HDDS, крайне низкое потребление молока, высокая доля расходов на питание) тяготеет к типам «устойчивая» или «циклическая моноструктурность», однако для окончательного определения ее места в типологии требуется более детальный анализ с учетом неполноты учета ЛПХ. В данной таблице она условно отнесена к группе «хрупкого благополучия» на основании доли расходов на питание 44,5% и HDDS около 6.

Подобная нестабильность формирует «циклическую моноструктурность»: в периоды экономического подъема рацион кратковременно диверсифицируется, в периоды спада — возвращается к минимальному набору продуктов с высокой калорийной плотностью.

Хрупкое благополучие (Казахстан, Азербайджан, Молдова, а также Узбекистан, занимающий промежуточное положение). Умеренное разнообразие рациона (HDDS 6–9) наблюдается при высокой доле расходов на питание (> 40%) и относительно низком неравенстве. В Казахстане доля расходов на питание достигает 51,2% — максимального значения в регионе, несмотря на то что

среднее потребление мяса и молока не демонстрирует критических отклонений от нормы. Это порождает «иллюзию благополучия»: благополучные в среднем показатели маскируют высокую чувствительность домохозяйств к ценовым шокам, которая может быстро реализоваться при ухудшении макроэкономической ситуации.

Структурная инерция (Россия, Беларусь). Высокое разнообразие рациона ($HDDS > 9$) и низкая доля расходов на питание ($< 40\%$) сочетаются с заметным дисбалансом в структуре потребления: мясо потребляется в объемах, превышающих норму, тогда как потребление овощей ощутимо отстает от рекомендованного. При достаточных доходах изменение этого паттерна, по-видимому, сдерживается устойчивыми пищевыми привычками и соотношением цен на различные категории продуктов. Такой тип уязвимости не связан с экономической недоступностью продовольствия, а отражает инерцию сложившейся модели питания.

Устойчивое благополучие — целевая модель, предполагающая высокое разнообразие рациона, низкую долю расходов на питание и минимальные отклонения от рекомендуемых норм. В выборке стран СНГ на 2022 год данный тип не представлен, что указывает на наличие резервов для улучшения качества питания даже в наиболее благополучных государствах региона. Наиболее близкими к этой модели являются Россия и Беларусь, однако они классифицируются как «структурная инерция» в силу сохраняющегося дисбаланса. Достижение параметров «устойчивого благополучия» может рассматриваться как долгосрочный стратегический ориентир продовольственной политики в СНГ.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова*
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Заключение

Проведенное исследование показало, что традиционные подходы к оценке продовольственной безопасности, основанные на агрегированных показателях калорийности и валового производства, недостаточны для выявления скрытых структурных дисбалансов рациона и экономической уязвимости домохозяйств. На примере девяти стран СНГ подтверждено, что формальная калорийная достаточность во многих случаях маскирует значительные отклонения в потреблении микронутриентно-плотных продуктов и высокую чувствительность к ценовым и доходным шокам. Это указывает на необходимость дополнения традиционных индикаторов показателями, отражающими разнообразие рациона, долю расходов на питание и устойчивость источников доходов.

На основе пересечения четырех измерений (разнообразие рациона, доля расходов на питание, неравенство и отклонения от рекомендуемых уровней потребления) была построена экспертная типология стран СНГ, в которой выделены четыре типа скрытой продовольственной уязвимости: устойчивая моноструктурность

(Кыргызстан), циклическая моноструктурность (Таджикистан), хрупкое благополучие (Казахстан, Азербайджан, Молдова, Узбекистан) и структурная инерция (Россия, Беларусь). Около 36,8% населения региона (примерно 84 млн человек) проживают в странах с высокой долей расходов на питание ($> 40\%$) и низким разнообразием рациона, что формирует зону повышенной уязвимости, где даже умеренные экономические шоки могут привести к дальнейшему сужению рациона и углублению микронутриентной недостаточности. В странах с низкой долей расходов на питание, напротив, основной проблемой выступает не экономическая доступность, а структурная инерция — устойчивый дисбаланс рациона, при котором избыточное потребление мяса сочетается с недостатком овощей даже при наличии финансовых возможностей.

Предложенная типология впервые в региональном контексте дифференцирует не только уровни, но и режимы уязвимости, порождаемые различными комбинациями нутрициологических и экономических факторов. Она создает основу для более адресного мониторинга социальных последствий экономических реформ и ценовых шоков — эффектов, которые традиционные макроэкономические индикаторы улавливают слабо.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все выводы основаны на агрегированных страновых данных и не могут быть автоматически перенесены на отдельные доходные группы внутри каждой страны. Дальнейшие исследования должны быть направлены на дезагрегирование показателей по квинтилям доходов, типам домохозяйств и сельской/городской местности, а также на построение количественных индикаторов, позволяющих измерять глубину скрытой уязвимости и отслеживать ее динамику во времени. Именно такие индикаторы способны в перспективе дополнить существующие системы мониторинга продовольственной безопасности и качества жизни в странах СНГ.

Библиография

- Арзамасцева Л. П., Трофименков А. Ф., Федченко А. А., Шкиренко Г. А. (2020). Трансформация качества жизни населения: региональный аспект // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Т. 17. № 2. С. 39–48.
- Вартанова М. Л. (2021). Качество жизни как комплексный показатель социально-экономического развития регионов // Естественно-гуманитарные исследования. № 36 (4). С. 52–60.
- Губарев Р. В., Каримов А. Г., Дзюба Е. И. (2024). Измерение многомерной бедности населения регионов России: гибридный подход // Журнал институциональных исследований. Т. 16. № 3. С. 80–95.
- Гузев М. М. (2024). Россия в борьбе за Россию, демография: между Сциллой и Харибдой // Философия хозяйства. № 2 (152). С. 45–54.
- Зубаревич Н. В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.

- Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1 (83). С. 4–18.
- Кабашова Е. В. (2024). Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 3. С. 397–414.
- Касимова З. Н. (2024). Анализ демографической ситуации России // Актуальные вопросы современной экономики. № 5. С. 180–184.
- Кислая Т. Н. (2024). Показатель «качество жизни» в системе экономической безопасности региона // Экономика. Информатика. Т. 51. № 3. С. 503–520.
- Кочкина Е. М., Радковская Е. В., Полова Н. П. (2024). Качество жизни как комплексный показатель конкурентоспособности региона // Глобальный научный потенциал. № 6 (159). С. 295–298.
- Лаврикова Н. И., Яблочкин С. П. (2024). Моделирование последствий влияния демографических факторов на экономическое развитие // Управленческий учет. № 12. С. 38–45.
- Митрофанов С. В., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Николаев Д. В. (2025). Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК // Крестьяноведение. Т. 10. № 3. С. 38–67.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. (2010). Экономика. 18-е изд. М.: Вильямс.
- Сен А. (2004). Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство: Либеральная миссия.
- Черныш М. Ф. (2021). Институциональные основы неравенства в современном обществе // Социологические исследования. Т. 30. № 3. С. 6–28.
- Alkire S., Foster J. (2007). Counting and Multidimensional Poverty Measurement. Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper No. 7. Oxford: OPHI. URL: https://ophi.org.uk/sites/default/files/ophi-wp7_vs2.pdf (дата доступа: 10.02.2026)
- FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO (2023). The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural–Urban Continuum. Rome: FAO.
- Hanmer J., DeWalt D. A., Berkowitz S. A. (2021). Association between food insecurity and health-related quality of life: A nationally representative survey // Journal of General Internal Medicine. Vol. 36. № 6. P. 1638–1647.
- Haq M. ul. (1995). Reflections on Human Development. New York: Oxford University Press.
- Lunze K., et al. (2015). Food security and nutrition in the Russian Federation: A health policy analysis // Global Health Action. Vol. 8.
- Mayén A. L., et al. (2016). Interventions promoting healthy eating as a tool for reducing social inequalities in diet in low- and middle-income countries: A systematic review // International Journal for Equity in Health. Vol. 15. Art. 205.
- Park S., et al. (2023). Dose–response relationship between food insecurity and quality of life // Journal of Affective Disorders. Vol. 321. P. 456–464.
- Park S., et al. (2024). Social isolation, loneliness, and quality of life among food-insecure adults // Preventive Medicine Reports. Vol. 37.
- Turrell G., Vandevijvere S. (2015). Socio-economic inequalities in diet and body weight: Evidence, causes and intervention options // Public Health Nutrition. Vol. 18. № 5. P. 759–763.
- Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2024). Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century // Regional Research of Russia. Vol. 14. № 4. P. 513–524.

С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбых,
Н. В. Орлова
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости

Consumption patterns and economic accessibility of rational nutrition in the CIS: Identifying hidden vulnerability

Sergey V. Mitrofanov, PhD (Agriculture), Head of the Department of Economics of Innovation in Agriculture, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: smitrofanov@hse.ru

Renata G. Yanbykh, DSc (Economics), Head of the Department of Agrarian Policy, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Nadezhda V. Orlova, Head of the Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: nvorlova@hse.ru

Abstract. Traditional approaches to the food security assessment, based on aggregated indicators of production and calorie intake, often hide structural imbalances in diets and economic vulnerability of households. The study aims at identifying hidden forms of food vulnerability and providing a typology of the CIS countries based on consumption patterns and economic access to rational nutrition. The authors address the following tasks: (1) to analyze cross-country differences in the consumption of basic food products; (2) to assess economic factors affecting access to rational nutrition (income, share of food expenditure, purchasing power, poverty, inequality); (3) to develop a typology of countries. The study is based on the data of the Interstate Statistical Committee of the CIS for 2010–2022 on nine countries; the methodology combines statistical, comparative-geographical and cross-tabulation analysis (indicators of dietary diversity, share of food expenditure, quintile ratio, and deviations in the consumption of micronutrient-dense products). The authors argue that formal caloric sufficiency does not guarantee a balanced diet: in some countries, high energy value of the diet is achieved by bread and potatoes, while there is significant underconsumption of meat, milk and vegetables. Four types of hidden vulnerability were identified – from a persistent monotonous diet with a critically high share of food expenditure to “structural inertia”, combining excessive meat consumption with a deficit of vegetables. 36.8% of the region’s population (approximately 84 million people) live in countries with a high share of food expenditure (>40%) and low dietary diversity, which form a “zone of critical vulnerability” – even moderate economic shocks can increase micronutrient deficiencies. The authors emphasize the role of eggs as an affordable source of high-quality animal protein in countries with low consumption of meat and milk. The concept of hidden food vulnerability and the proposed typology provide an empirical basis for monitoring social consequences of economic reforms and coordinating policy measures within the EAEU and CIS.

Key words: food security, consumption patterns, economic accessibility, hidden vulnerability, rational nutrition, social differentiation, inequality, CIS

References

- Alkire S., Foster J. (2007) *Counting and Multidimensional Poverty Measurement*. Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper No. 7, Oxford: OPHI. URL: https://ophi.org.uk/sites/default/files/ophi-wp7_vs2.pdf.
- Arzamastseva L.P., Trofimenkov A.F., Fedchenko A.A., Shkirenko G.A. (2020) Transformatsiya kachestva zhizni naseleniya: regionalny aspekt [Transformation of the population’s quality of life: A regional aspect]. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya*, vol. 17, no 2, pp. 39–48.
- Chernysh M.F. (2021) *Institutsionalnye osnovy neravenstva v sovremennom obshchestve* [Institutional foundations of inequality in contemporary society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, vol. 30, no 3, pp. 6–28.
- FAO, IFAD, UNICEF, WFP & WHO (2023) *The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural-Urban Continuum*, Rome: FAO.
- Gubarev R.V., Karimov A.G., Dzyuba E.I. (2024) Izmerenie mnogomernoy bednosti naseleniya regionov Rossii: gibridny podkhod [Measuring the multidimensional poverty in Russian regions: A hybrid approach]. *Zhurnal Institutsionalnykh Issledovaniy*, vol. 16, no 3, pp. 80–95.

- Guzev M.M. (2024) Rossiya v borbe za Rossiiyu, demografiya: mezhdru Scylloy i Charibdoj [Russia in the struggle for Russia, demography: Between Scylla and Charybdis]. *Filosofiya Khozyaystva*, no 2, pp. 45–54.
- Hanmer J., DeWalt D.A., Berkowitz S.A. (2021) Association between food insecurity and health-related quality of life: A nationally representative survey. *Journal of General Internal Medicine*, vol. 36, no 6, pp. 1638–1647.
- Haq M. ul. (1995) *Reflections on Human Development*, New York: Oxford University Press.
- Kabashova E.V. (2024) Mezhregionalnye razlichiya v kachestve i urovne zhizni naseleniya Rossii [Interregional differences in the quality of life and standard of living in Russia]. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*, vol. 20, no 3, pp. 397–414.
- Kasimova Z.N. (2024) Analiz demograficheskoy situatsii v Rossii [Analysis of the demographic situation in Russia]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Ekonomiki*, no 5, pp. 180–184.
- Kislaya T.N. (2024) Pokazatel “kachestvo zhizni” v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Indicator “quality of life” in the regional system of economic security]. *Ekonomika. Informatika*, vol. 54, no 3, pp. 503–520.
- Kochkina E.M., Radkovskaya E.V., Popova N.P. (2024) Kachestvo zhizni kak kompleksny pokazatel konkurentosposobnosti regiona [Quality of life as a comprehensive indicator of regional competitiveness]. *Globalny Nauchny Potentsial*, no 6, pp. 295–298.
- Lavrikova N.I., Yablochkin S.P. (2024) Modelirovanie posledstviy vliyaniya demograficheskikh faktorov na ekonomicheskoe razvitiye [Modeling the impact of demographic factors on economic development]. *Upravlenchesky Uchet*, no 12, pp. 38–45.
- Lunze K. et al. (2015) Food security and nutrition in the Russian Federation: A health policy analysis. *Global Health Action*, vol. 8.
- Mayén A.L. et al. (2016) Interventions promoting healthy eating as a tool for reducing social inequalities in diet in low- and middle-income countries: A systematic review. *International Journal for Equity in Health*, vol. 15.
- Mitrofanov S.V., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Nikolaev D.V. (2025) Demograficheskie vyzovy razvitiyu selskikh territoriy i kadrovoye obespechenie APK [Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture]. *Russian Peasant Studies*, vol. 10, no 3, pp. 38–67.
- Park S. et al. (2023) Dose-response relationship between food insecurity and quality of life. *Journal of Affective Disorders*, vol. 321, pp. 456–464.
- Park S. et al. (2024) Social isolation, loneliness, and quality of life among food-insecure adults. *Preventive Medicine Reports*, vol. 37.
- Samuelson P., Nordhaus V. (2010) *Ekonomika* [Economics], Moscow: Williams.
- Sen A. (2004) *Razvitiye kak svoboda* [Development as Freedom]. Transl. from English and ed. by R.M. Nureev, Moscow: Novoe izd-vo; Liberalnaya missiya.
- Turrell G., Vandevijvere S. (2015) Socio-economic inequalities in diet and body weight: Evidence, causes and intervention options. *Public Health Nutrition*, vol. 18, no 5, pp. 759–763.
- Vartanova M.L. (2021) Kachestvo zhizni kak kompleksny pokazatel' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Quality of life as a comprehensive indicator of regional social-economic development]. *Estestvenno-Gumanitarnye Issledovaniya*, vol. 36, no 4, pp. 52–60.
- Zubarevich N.V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Russia's Regions: Inequality, Crisis, Modernization], Moscow: Nezavisimy institut sotsialnoy politiki.
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Mezhregionalnoe neravenstvo v Rossii i postsovetских stranah v XXI veke [Interregional inequality in Russia and post-soviet countries in the 21st century]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 1, pp. 4–18.
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century. *Regional Research of Russia*, vol. 14, no 4, pp. 513–524.

С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбых,
Н. В. Орлова
Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости